

Шушарина Г. А.

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Шушарина Г. А.
G.A.Shusharina

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

METHODS OF LINGUISTIC MANIPULATION IN USA'S POLITICAL DISCOURSE



Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольско-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru.

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amure Technical University (Russia, Komsomolsk-na-Amure). Komsomolsk-na-Amure, pr. Lenina 9 - 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru

Аннотация. В современном политическом дискурсе США активно используются приемы речевого манипулирования, среди которых рассматриваются языковая игра, навешивание ярлыков, намеки и др.

Summary. Different methods of verbal manipulation are widely used in the political discourse of the USA. The article deals with such ones as quibbling, pinning labels, hinting, etc.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, речевое манипулирование, пресуппозиция, намек, ярлыки.

Key-words: Discourse, political discourse, linguistic manipulation, presupposition, hint, labels.

УДК 81 (075)

Теория дискурса является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания. Неслучайно современный этап развития лингвистики характеризуют принятием «принципиально новой онтологии социально-психологического человеческого гуманитарного мира, противопоставляемой традиционной онтологии материального физического мира» [5, 16]. Эту онтологию условно называют дискурсивной. Если в старой онтологии важную роль играли пространственно-временные рамки: «какая-либо сущность идентифицируется и описывается по своему месту в пространстве и времени», то для дискурсивных изысканий решающее значение имеют вопросы «кто это сказал, кому, как, о чем, с какой целью» [5, 17].

В современной лингвистике все более утверждается понимание дискурса как ментального пространства или особого ментального мира, за которым следует особый отбор языковых средств [7, 34]. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина» [8, 6]. В. З. Демьянков называет дискурсом «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [2, 12]. Интерпретируя текст, адресат находит в нем «реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел» [2, 12]. Интерпретатор находит в этом «мысленном мире» характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий, например по-



ступков действующих лиц, и т.д. Этот мир включает также домысливаемые интерпретатором на основе собственного жизненного опыта детали и оценки.

Приведенные определения дискурса позволяют вычлениить политический дискурс как тип дискурса. В настоящей работе под политическим дискурсом понимается «дискурс, употребляемый в определенных (политических) ситуациях» [2, 12].

В когнитивных исследованиях политического дискурса выделилось направление, изучающее способы воздействия на сознание, что означает манипуляцию сознанием. Манипуляция представляет собой «специфическое поведение, осуществляемое путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [3, 25]. Главным создателем концепции и технологии манипуляции массовым сознанием считается США, где велико влияние СМИ. Исходным в основе технологии манипуляции лежит постулат о внушаемости посредством слов [10, 51].

Для современного политического дискурса США характерны способы речевого воздействия, направленные на введение того знания в модель мира человека, которое удобно и необходимо для политика в данный момент. Более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное, очевидное знание, а «такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать определенные усилия, тратить ресурсы» [1, 176].

Рассмотрим некоторые наиболее частотные приемы речевого воздействия, представляющие собой неотъемлемую часть политического дискурса.

Среди приемов речевого воздействия, которые приводят к возникновению нескольких смысловых планов в содержании высказывания, можно назвать языковую игру. Языковая игра – это нестандартное, отклоняющееся от нормы использование языковых выражений, целью которого является не передача информации, а затруднение понимания [1, 229]. Языковая игра позволяет фиксировать в сознании адресата нужную говорящему языковую форму и при этом избежать ответственности за необоснованные обвинения. Например, в контексте «*I would say that the cost of the various left-wing policies starting with the grotesque health bills in the House and Senate. The giant energy tax passed by the House. The terribly weak policies on terrorism. The huge deficits*» многочисленные эпитеты указывают на крайне негативную ситуацию, сложившуюся в парламенте. Левое крыло Палаты представителей и Сената принимает нелепые законы (grotesque bills), облагает граждан гигантскими налогами (giant tax), проводит ужасно слабую политику в отношении терроризма (terribly weak policies). В стране наблюдается огромный дефицит (huge deficits).

But the president is going to use the most over-used words in Washington and the most meaningless words and that is (F. Thompson, Senator). В рассматриваемом контексте языковая игра в форме неоднократного повтора корневой морфемы «use» и употребление превосходной степени сравнения прилагательных подчеркивают слишком частое использование президентом одних и тех же (most over-used) совершенно бессмысленных слов (most meaningless).

It is still an infrastructural nightmare if you get outside of major cities and certainly if you start going to the Far East. So I think we should be calm (C. Rice).

В приведенном фрагменте выступления государственного секретаря США Кондолизы Райз ситуация с инфраструктурой в России сравнивается с ночным кошмаром (nightmare), который становится все более пугающим за пределами крупных городов, и особенно на Дальнем Востоке. В результате такого речевого воздействия в сознании граждан США укрепляется образ России как отсталой, слабо развитой страны.

Значительная часть приемов речевого воздействия предназначена для скрытого манипулирования сознанием адресата. Один из приемов такого типа является «навязывание пресуппозиции» [1, 191]. Под пресуппозицией понимают такую часть смысла высказывания, которая, с точки зрения говорящего, является общеизвестной. Пресуппозиция противопоставляется утверждению, которое относится к эксплицитной части плана содержания высказывания. Прием речевого воздействия заключается в том, что семантическая информация, важная для говорящего, подается им не как новое знание, которое требует рационального и осознанного анализа, а как нечто само собой разумеющееся и известное [1, 193]. Такие пресуппозиции носят название «прагматические пресуппозиции» [5, 136]. Так, в контексте «*If our leaders don't wake up soon, the economy will be brought to its knees. Great danger lies ahead* (Ron Paul, Congressman)» в виде пресуппозиции представлена информация о том, что лидеры государства не предпринимают каких-либо действий для поддержания экономики, они закрывают глаза на существующие в стране проблемы.

При навязывании пресуппозиции адресат некритически воспринимает информацию, помещенную в пресуппозиционную часть плана содержания высказывания. Например, во фразе «*Pretending that politicians, central bankers, and regulators have the knowledge to centrally plan the economy and police the world, only makes matters worse* (R. Paul, Congressman)» фокус внимания сосредоточен на идее «pretending», т.е. на том, что банкиры, эксперты и политики лишь создают видимость централизации экономики. Между тем «отсутствие у руководителей единого плана развития экономики» подается как очевидное, известное, о чем свидетельствует все ухудшающаяся ситуация в государстве (*only makes matters worse*).

Пресуппозиция может вводиться с помощью вопроса: *Are we to believe that 30000 more troops are needed to defeat 100 al-Qaeda fighters?* (R. Paul, Congressman). Общеизвестная информация в приведенном фрагменте содержится в модальной грамматической структуре «to be to + инфинитив», которая используется для выражения приказов или инструкций. Очевидно, что граждан заставляют поверить в необходимость отправить еще десятки тысяч солдат на войну с террористами.

С помощью сослагательного наклонения в вопросительном предложении «*How else would he propose hundreds of billions in tax breaks for big corporations and oil companies but not one penny of tax relief to more than 100 mln Americans?*» адресант демонстрирует свою иллюзивную цель. И это, на наш взгляд, обеспечивает успешность осуществления задуманного им действия. Первая часть высказывания *How else would he* представляет собой констатив: говорящий внушает адресату информацию, представленную во второй части высказывания. Таким образом, в сознании народа прочно закрепляется мысль о том, что министр сделал налоговое послабление в миллиарды долларов крупным нефтяным корпорациям и не уменьшил выплату налогов простым обывателям.

Навязывание пресуппозиции в виде вопроса широко используется конгрессменами. Так, в вопросе Рона Пола «*We are going to spend millions of dollars to help create jobs in Yemen as we continue to shed jobs in the US?*» актуализируется информация о том, что в США продолжают избавляться от рабочих мест и создают их в других странах. Интересно, что в вышеприведенном примере отсутствуют формальные признаки вопроса (вспомогательный глагол, инвертированный порядок слов). Тем самым подчеркивается утвердительный характер высказывания.

В качестве формы пресуппозиции часто употребляется антитеза. Политические противники противопоставляют себя друг другу, тем самым в сознании адресата складывается



положительный образ одного человека и отрицательный образ другого. В своих предвыборных выступлениях Барак Обама с помощью антитез «keep low – raise, open – close» актуализировал концептуальную оппозицию «свой – другой/чужой». «Свой» кандидат в президенты снижает налоги, «чужой» поднимает: *I'll keep taxes low and cut them where I can. My opponent will raise them.* «Свой» политик открывает новые рынки для США, «чужой» их закрывает: *I'll open new markets to our goods and services. My opponent will close them.* Психологическое воздействие усиливается и за счет использования глаголов в активном залоге (open, close, raise, etc), который, по мнению исследователей, привлекает внимание адресата непосредственно к тому, кто совершает действие [11, 17].

Среди способов имплицитного речевого воздействия присутствует намек. В толковых словарях слово «намек» толкуется как «слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке». Иными словами, читатель должен сам прийти к каким-то выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового выражения содержания намека. «Эксплицитный комментарий автора текста превратил бы намек в обычное речевое высказывание, не несущее скрытого содержания, реализующего скрытую интенцию автора» [1, 207]. *By the way, I went there [Abkhazia] once, and we went inside and there was a huge poster. And this is – this is Georgian territory. And there was a huge poster of Vladimir Putin, and it said, "Vladimir Putin, our president". It was very clear, the Russian intentions towards Georgia. They were just waiting to seize the opportunity.* В приведенном примере американский политик на основе увиденного им в Абхазии огромного (huge) портрета российского премьера с надписью «Владимир Путин – наш президент» намекает на то, что военный конфликт России и Грузии не случаен, Россия уже давно намеревалась захватить принадлежащую Грузии территорию.

Дискредитация политического оппонента осуществляется по различным основаниям и различными способами, в том числе с помощью «аргументации, относящейся к недостаткам оппонента, как человека» [1, 184]. Так, в отношении политики американских президентов часто применяется причастие «failed», имеющее значение «провальный»: *that is the failed idea that if the us sends enough money to a foreign government* (R. Paul); *where the failed policies of interventionism, militarism* (R. Paul). Критикуя правительство, конгрессмены заявляют, что оно не уважает Сенат «*and not respecting the separation of powers*» (R. Paul), не понимает нависшей угрозы «*we have a president who simply does not acknowledge the nature of the threat that we face*» (F. Thompson). Главнокомандующий абсолютно пренебрегает своими обязанностями «*an extraordinary neglect of responsibilities of the commander-in-chief*» (C. Rice). Известный политик Джон Маккейн никогда не проявлял независимость *Senator McCain has been anything but independent.* Сенатор Маккейн, заявляя, что готов преследовать террористов и в аду, тем не менее, даже не приближался к месту их обитания: *John McCain likes to say that he will follow Bin Laden to the gates of hell – but he won't even go to the cave where he lives.* Исследователи политического дискурса, в частности Е.С. Шейгал, О.Л. Михалева, относят «переход на личности» к речевой агрессии как одной из форм речевого манипулирования [9; 6]. Оскорбление политического оппонента помогает реализовать основную цель политического дискурса, которая заключается в борьбе за власть. В. З. Демьянков метафоризирует политический дискурс как поле боя, в обоих случаях необходимо уничтожить «боевую мощь противника – вооружение (то есть мнение и аргументы) и личный состав (дискредитация личности оппонента)» [2, 15].

Несмотря на то, что в настоящее время США переживает нелегкий период, связанный с экономическим кризисом, страна высказывает недовольство и политикой других государств. По мнению Дж. Макейна, российские лидеры коррумпированы, отвергают демократические идеалы и не несут ответственности за свои поступки: *Russia's leaders, rich with oil wealth and corrupt with power, have rejected democratic ideals and the obligations of a responsible power.* Россией руководит офицер КГБ, у которого в глазах отчетливо «видна» аббревиатура печально известного комитета государственной безопасности: «*Russia <...> is basically a KGB apparatchik-run government. I looked into Mr. Putin's eyes, and I saw three letters, a "K", a "G", and a "B"»* (J. McCain). В указанных отрывках можно наблюдать такой прием речевого манипулирования, как навешивание ярлыков, суть которого заключается в его обвинительной направленности и «закреплении в сознании аудитории чьего-либо дискредитирующего образа» [3, 87]. Распространенными ярлыками являются политические термины, официальные и экспрессивно-разговорные названия политических партий и движений, например, фашисты, национал-патриоты. Причиной активного функционирования ярлыков в современном политическом дискурсе исследователи называют «широкую политизацию и идеологическую дифференциацию современного общества в сочетании с низким уровнем дискутирования» [3, 88]. Ярлыки легко внедряются в сознание аудитории, поскольку они, как правило, являются краткими, выразительными, запоминающимися, широко цитируемыми речевыми оборотами.

Таким образом, в результате исследования установлено, что политический дискурс США изобилует приемами речевого манипулирования, которые направлены на реализацию основной цели политического дискурса, а именно борьбы за власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 592 с.
2. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 154-157.
3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 224 с.
4. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
6. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009.
7. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.
8. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – 1995.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.; Волгоград, 2000.
10. Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока: моногр. – Владивосток: Изд-во дальневосточного ун-та, 2009. – 248 с.
11. Nordlund, M. Linguistic manipulation. Cambridge, MA: Mit Press, 2000. – 302 p.
12. www1.voanews.com.
13. www.newsweek.com.
14. www.house.gov.